

С. В. Кондракова

Минский государственный лингвистический университет

**СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СУБСТАНТИВИРОВАННЫХ
ПРИЧАСТИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ**
(на материале немецкого языка)

Субстантивированные причастия являются лексическими продуктами широко действующего в языке процесса транспозиции, в основе которого лежит семантический сдвиг: ингерентная глагольная семантика причастий, не исчезая, включается в частеречное категориальное значение предметности, претерпевая уже в этом статусе дальнейшее развитие в языке. Реализация субстантивированных причастий отмечена такими главными чертами, как их частеречный статус и валентность, которая проявляется контактно в словосочетаниях и предложениях и дистантно в единицах более широкого диапазона – фрагментах текста. При дистантной реализации валентности статус субстантивированных причастий выходит за рамки синтагматического и включается в когезийно-текстовый диапазон.

Важно учитывать, что между отражаемыми в тексте событиями должна быть преемственность. Части текста, которые находятся друг от друга на значительном расстоянии, оказываются связанными, если даже средства их связи не явно совпадают с традиционными. В тексте связи определяются текстообразующей категорией когезии, а она обеспечивает не просто формальное сцепление, но и логическую последовательность, темпоральную или пространственную взаимозависимость фактов, действий и пр. Когезия создает тем самым и пресуппозицию, поскольку относит нечто по связи к тому, что было раньше [1, с. 73–86].

Тот факт, что валентностные связи субстантивированных причастий способны воплощаться дистантно, маркирует их особое положение на переходе от собственно синтагматики к текстообразованию, т. е. к непосредственному участию в связывании текста, иначе говоря, выстраиванию его когезии и когеренции.

В художественных текстах достаточно регулярно встречаются лексикономинативные единицы, репрезентируемые окказиональными субстантивированными причастиями и ориентированные во внутритекстовой связи на левостороннюю мотивацию. Они представляют собой однословный номинационный результат предшествующего развернутого сообщения:

*Ich bewohnte zu dieser Zeit eine kleine Wohnung mit vorne zur Straße hin einem größeren Zimmer, in dem meine Sachen lagen... Dort suchte ich also heraus, was ich brauchte, und verstaute das **Zusammengesuchte** in einem grünen Rucksack, den ich erst am Vormittag desselben Tages in einem Kaufhaus für meine Zwecke geeignet gefunden und sogleich erworben hatte [К, S. 75].*

Субстантивированное причастие *das Zusammengesuchte* выступает здесь как номинационный результат того, о чем сообщено в предыдущей информации, соотносящейся с действием *heraussuchen*. В данном случае контекст устанавливает актуальную связь между созданным словом и всем содержанием фрагмента. Для текстообразования значимо именно то, что субстантивированное причастие передает в конденсированном виде ранее сообщенное (ставшее известным), т. е. воплощает тему, к которой дальнейшее развитие текста прибавляет рему. И как раз дистантная реализация валентности входит важной составной частью в механизм сцепления фрагментов содержания в некое структурно-смысловое единство [2, с. 86–91].

*Im Keller stieß ich später in einem brüchigen Karton auf persönliche Papiere meines Onkels, die er jahrzehntelang vermisst hatte, Briefe und Dokumente aus der Zeit seiner Internierungen in Dahau und Buchenwald. Es war zwar geglückt, ihn aus Deutschland zu **befreien**, doch kaum in England eingetroffen, verdächtigten ihn die Brieten als deutschen Spion. Der **Gerettete** wurde nach Viktoria in den äußersten Südosten Australiens in die Verbannung geschickt [J, S. 42].*

Субстантивированное причастие *der Gerettete* оказывается здесь номинационным результатом действия, сообщенного в предыдущей информации (*befreien*), и обеспечивает при этом линейное развитие текста.

Расширяя пространство проявления своей синтагматики, рассматриваемые единицы способны вступать в различные синонимические отношения, например:

*Der **Alte** bekam einen Hustenanfall, der nicht mehr aufhörte. Er krümmte sich und legte sich mit dem Oberkörper an die Wand. Die Zimmertür öffnete sich, ein **Einbeiniger** mit zwei hölzernen Krücken lehnte sich an den Türrahmen, verschränkte die Arme über seinen Krücken und drohte mit dem Stumpf seines amputierten Beins, das nackt aus der Turnhose herausschaute. Er richtete den Stumpf auf den hustenden Alten und schrie in einem bösertigen Wienerisch: Hast wieder zuviel geratscht? [F, S. 65].*

Через несколько строк снова восстанавливается валентностно-смысловая связь:

*Er fragte den **Amputierten** nach dem Klingelknopf, er sah ihn fassungslos an: Klingelknopf? Verehrter und soeben frisch **Eingelieferter**, in diesem Palast der Winde darfst froh sein, wenn gelegentlich das elektrische Licht funktioniert, von der Heizung wirst du wenig spüren und warmes Wasser ist ein Glücksfall* [F, S. 65].

Обозначения *der Alte*, *Verehrter*, *frisch Eingelieferter*, как и существительные *ein Einbeiniger* и *der Amputierte* в отрыве от данного контекста не были бы синонимами, даже *Einbeiniger* и *Amputierter* таковыми в полном смысле слова не являются. Это и имеется в виду, когда говорится, что «синонимический ряд в живом функционировании» отличается «линейной незамкнутостью» [3, с. 71], которая обеспечивает наращивание ряда с целью получения многосторонней характеристики и одновременно предотвращения буквального повтора в описании. В художественном тексте за счет такого внутреннего развития снимается монотонность и создается красочность, вариативность обозначений, и в этой связи контекстуальная синонимия достаточно освещена в стилистике немецкого языка [4, S. 75; 5, S. 63; 6, S. 58–59]. Вариативность формы выражения служит общим сигналом смысловой вариативности, когда сигнификативность во взаимодействии с образностью и экспрессивностью реализует воздействие в виде предусматриваемого перлокутивного эффекта. Например:

*Es war ein Ritual, das da ablief. Der eine schlug, und der andere erduldet die Schläge. Als der Große nach einem Schlag in die Knie ging, mit dem Stuhl umfiel, murrten einige der Zuschauer, aber der sich **Aufrappelnde** gebot ihnen mit einer Hand zu schweigen. Der Kleine schlug weiter, schlug monoton noch zehnmal in das Gesicht des Großen, gab dann auf, weil er nicht mehr schlagen konnte oder wollte. Er setzte sich auf einen Stuhl und weinte. Der **Geschlagene** rutschte langsam auf die Erde und blieb da liegen. <...> und der Folterer habe dem **Gequälten** so viele Schläge zugestanden wie er wollte* [F, S. 258].

В этом фрагменте контекстуальными синонимами являются субстантивированные причастия *der sich Aufrappelnde*, *der Geschlagene*, *der Gequälte*, представляющие как «живые» наглядные характеристики жертвы brutального действия – *schlagen*. Исходно жертва обозначается признаково-нейтральной номинацией *der Große*.

При текстообразовании происходит и так, что в самом контексте прямой лексический сигнал отсутствует, и в основе возникновения композита лежит имплицитированное значение, например:

Er stürzte. Die Stadt drehte sich vor seinen Augen. Häuser und Straßen fuhren Karussell. Die Dächer schleuderten. Die Kamine flogen durch die Luft. Die Straße hob sich. Die Schienen bogen sich durch. Die Straßenbahn schrie in einer Kurve. Die Autos rasten steil über ihn hinweg in den Himmel, der nur ein Schaufenster war. <...> Gewisse Eindrücke sind so flüchtig, dass wir erst, wenn die aus weiter Entfernung und zeitlicher Vergangenheit entstehenden Bilder unser

*Gedächtnis erhellen, erstaunt bemerken, dass sie zu unserem Leben gehören. Stunden träumender Abwesenheit, in denen er alles vom Rand hersah, mit dem genauen Blick des nicht **Dazugehörenden** [F, S. 300].*

Как видно, прямой лексико-семантической основы в виде глагола *dazugehören* контекст не содержит, но субстантивированное причастие вбирает в себя все его содержание и предстает как предельно емкая номинация – *der Dazugehörende*. Появляясь в конце фрагмента, оно своим наречным компонентом *dazu* реализует анафорическую связь, отсылая ко всему содержанию, т. е. сводя в нем многочисленные действия, выраженные в коротких предложениях, оформленных глагольным стилем (Verbalstil) [5, S. 22] к единому результату.

Субстантивированное причастие как номинация в облике сложного слова способно подхватывать нить валентностно-смысловой связи на значительном расстоянии, например:

Die Halle, ein langgestreckter, dämrriger Raum mit verschrammten Wänden, vor denen immer einige Koffer standen, die vom Major mit den Anschriften <...> Angehöriger beklebt und abtransportiert wurden, während die hoffnungsvoll angereisten Kofferbesitzer keine Anschrift mehr brauchten, der verlassene Wartesaal einer Endstation [F, S. 133].

И лишь через 8 страниц появляется композит:

*Jetzt phantasierte er wie ein Blinder, der nur Worte hört, um sich die Welt da draußen vorzustellen, und fragte die **Neuangekommenen**, ob alles wieder aufgebaut sei [F, S. 140].*

Эта субстантивация в форме композита *Neuangekommene* с безусловной очевидностью подтверждает сформулированное В. М. Павловым положение о «ситуативном <...> “стягивании” в морфологическое (сложное) слово лексем, объединяемых непосредственной подчинительной связью» [7, с. 231]: если развернуть композит через ретрансформацию в изначальную суть, то *die Neuangekommenen* содержит в себе пропозитивное содержание: *Die Menschen sind neu angekommen.*

Художественный текст как сложное и многоплановое образование часто предусматривает своим построением и авторской интенцией сложную конфигурационную схему реализации коррелятивной связи, что воплощается в следующем фрагменте:

*Als nächste musste Rose Paal ans Rednerpult. <...> Rose kümmerte sich bei ihrem **Spruch** nicht um Lautstärke, weder um die ihrer Bewunderer noch um ihre eigene, und daher verstand kein Mensch, was sie **sagte**. Erst als sie das Podium verließ, merkte man, dass sie etwas gesagt haben musste und der Beifall für Rose war ungeteilt. <...> Quasi saß stumm zwischen Robert und Trullesand in der dritten Reihe und regte sich lange Zeit überhaupt nicht. Er hatte sich selbst nicht als Redner eingeteilt, da er die Übersicht bewahren und die Wirkung des **Gesprochenen** einschätzen wollte [H, S. 208–209].*

Коррелятивная связь, итог которой подводится в конце всего фрагмента суммирующе-результативной номинацией *das Gesprochene*, стимули-

рована в эксплицитном выражении глаголом *sagen*, хотя имплицитно предполагается его синоним *sprechen*, выходящий на поверхностную вербализацию производным именем – девербативом *Spruch*. В синонимическом ракурсе «*sagen–sprechen*» идет развитие связи внутри всего контекста, достигая своего акцентированного завершения в коммуникативно сильной конечной позиции. Прагматическая цель как воздействие на адресата заключается именно в конечной позиции, призывающей оценить все сказанное – *das Gesprochene einschätzen*.

Образность и экспрессивность, являясь неизменными «спутниками» художественного текста, активно участвуют в окказиональном производстве субстантивированных причастий, свидетельством чему служат нижеприводимые контексты:

*Dennoch bleibe sie für immer meine Stuttgarter Erfahrung, und im Grunde ginge ich noch jetzt als **Verhungernder** durch diese Stadt* [K, S. 111].

*Vielleicht hatten die **Vermögenden** und **Besitzenden** und **Wohlhabenden**, die schon so lange vermögend, besitzend und wohlhabend waren, <...> nicht so viel Unrecht wie allgemein behauptet wurde* [F, S. 185].

В первом контексте номинация в виде субстантивированного причастия *Verhungernder* опирается на метафору, потому что речь идет не о голоде как таковом, а о «голоде» описываемого лица на новые впечатления о Штутгарте по отношению к живущему в нем прежнему впечатлению, при этом временной границей между прежним и настоящим служит наречие *jetzt*.

Второй фрагмент выстроен по схеме соотнесенности признака и его носителя через диаду «обычное причастие–субстантивированное причастие»: «*vermögend–Vermögende*»; «*besitzend–Besitzende*»; «*wohlhabend–Wohlhabende*». И все это построение базируется на синонимии, реализуя вариативный повтор с функцией интенсификации, наращивания смысловых оттенков для особого подчеркивания именно этого звена текстовой информации.

Интересным представляется следующий текстовый фрагмент:

*“Die Überschwemmung”, sagte er, als er <...> im Hinterzimmer seiner Kneipe saß und sich mit ein paar Gläsern aufgemuntert hatte. “<...> Drei Tage Landestrauer, nicht einen Pfennig Umsatz, aber die fixen Kosten laufen weiter. Da fragt keiner nach. In der Zeitung waren Bilder, wie sie die **Abgegluckerten** beerdigt haben. Eine Menschenmenge! Die hätten sich bestimmt gern nachher ihren Kummer runtergespült, aber war ja Landestrauer!”* [H, S. 90].

Введение в речь говорящего лица при создании его языкового портрета – *das Sprachporträt* [5, S. 66; 6, S. 287] – субстантивированного причастия *die Abgegluckerten* в качестве используемой им номинации жертв наводнения характеризует это говорящее лицо (владельца трактира) негативно. Он сетует на свои убытки, вызванные наводнением, и не выражает при этом никакого сочувствия к погибшим людям. Наоборот, его эмоции и оценки проявляются в том, что он называет всех утонувших небрежно-уничажительно *Abgegluckerte*, т. е. результативно собирательным просторечным именем, и в то же время рассчитывает на позитивное понимание со стороны адресата.

Это является использованием со стороны автора приема характеристики ситуации не им самим, а через одного из непосредственных участников события с перекладыванием на него задания оценки случившегося и ожиданием отторжения такой оценки реципиентом информации. Прагматика фрагмента и состоит в возбуждении неприязни к жадному хозяину трактира.

В рассмотренных случаях контекстной роли явления интерпретации подверглись как субстантивированные причастия-номинации лица, так и субстантивированные причастия-обозначения не-лица, чего-то неодушевленного. Последние особенно объемно представляют смысл, поэтому заслуживают дополнительного внимания, особенно в свете того, что среди таких имен много окказионализмов. Наглядны следующие фрагменты текстов:

*Ich besaß die Kapazität nicht, auch nur Spuren über Rain Uttos vergangene Tage in Erfahrung zu bringen: Uns stand keine gemeinsame Sprache zur Verfügung, das **Vorgefallene** auch nur bruchstückhaft in Worte zu kleiden [J, S. 67].*

*Denn das wollte ja gespielt sein, das Leben, das war ja kein fertiges Ganzes, vielmehr ein Offenes, nirgends vorab **Beschriebenes** und **Festgelegtes** [K, S. 13].*

*Die Magnolienbäume blühten nur an wenigen Tagen im Jahr, dann saß er auf einer der Bänke, um die allzu rasch vergehenden und wie in einer Traumbewegung schwebend herabfallenden Blütenblätter im Gedächtnis zu halten, denn im Sommer waren das nur zwischen Licht und Wurzeln schwankende, grünverhangene, sehr knorrige, fast schwarze Bäume vor dem leichten, hellen Wasser des Brunnens, das nun die Aufmerksamkeit auf sich zog als das ununterbrochen **Bewegte** und doch **Bleibende** [F, S. 300].*

Все три контекста демонстрируют сжатие объемной информации в использованных субстантивированных причастиях. Номинация *das Vorgefallene* в первом контексте, анафорически ориентированная, явно коррелирует по смыслу с предшествующим словосочетанием *vergangene Tage*. В этой коррелятивной линии связи много имплицитного, принуждающего адресата догадываться о неких событиях в прошлом, поскольку сама номинация указывает на их суммарность.

Второй контекст интересен своим синонимическим рядом *Beschriebenes* и *Festgelegtes*, в котором субстантивированные причастия также анафорически ориентированы и служат цели пояснительного толкования к ранее введенному субстантивированному прилагательному суммарного значения *Offenes*. В имплицитной зависимости от этого прилагательного перечислительный ряд охвачен адъективацией, порождая разнопризнаковую характеристику чего-то единого.

Третий контекст имеет по сравнению с двумя первыми более сложное построение. Будучи выдержан в адъективном стиле [5, S. 20], он содержит много определений – прилагательных и причастий, обрисовывая образную картину сочетания летних красок природы и водяных струй фонтана. Вокруг этого авторская рефлексия подводит к заключению о том, что является вечным в своем существовании и движении: это и воплощается в суб-

стантивированных причастиях *das ununterbrochen Bewegte, das doch Bleibende* в конечной позиции фрагмента. Таким контрастным выдвигением вечно постоянного и вечно движущегося, именно фигурой антитезы в ее конечном звене, создается особый прагмакоммуникативный эффект: на этом звене должно задержаться внимание адресата.

Таким образом, в художественных текстах за счет реализации дистантной валентности субстантивированные причастия несут явную текстосвязующую функцию; окказиональная же субстантивация причастий отвечает задаче отражения свойств этого типа текстов – образности, эмоциональной оценочности, в целом экспрессивности, и прагматически значима при этом их способность включаться в различные синонимические отношения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин ; отв. ред. Г.В. Степанов. – М. : Эдиториал УРСС, 2005. – 144 с.
2. Глушак, Т. С. Textoобразующие потенции отглагольных существительных в ракурсе их валентности / Т. С. Глушак, В. Ф. Балакирев, М. А. Черкас // Методика обучения иностранным языкам. Романское и германское языкознание : сб. науч. ст. / Мин. гос. пед. ин-т иностр. яз. – Минск, 1988. – Вып. 3. – С. 64–91.
3. Брагина, А. А. Синонимы в литературном языке / А. А. Брагина. – М. : Наука, 1986. – 125 с.
4. Fleischer, W. Stilistik der deutschen Gegenwartssprache / W. Fleischer, G. Michel. – Leipzig : Veb Bibliographisches Institut, 1975. – 394 S.
5. Glušak, T. S. Funktionalstilistik des Deutschen / T. S. Glušak. – Minsk : Wschejschaja Schkola, 1981. – 173 S.
6. Riesel, E. Stilistik der deutschen Sprache / E. Riesel, E. Schendels. – М. : Hochschule, 1975. – 316 S.
7. Павлов, В. М. Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования / В. М. Павлов ; отв. ред. В. Г. Адмони.. – Л. : Наука, 1985. – 300 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

К – Kelling, G. Jahreswechsel / G. Kelling. – Frankfurt a. Main : Suhrkamp Verl., 2004. – 167 S.

J – Jungk, P. S. Die Unruhe der Stella Federspiel / P. S. Jungk. – 2. Aufl. – München : Paul List Verl., 1996. – 242 S.

F – Forte, D. Auf der anderen Seite der Welt / D. Forte. – Frankfurt a. Main : Fischer Verl. GmbH, 2004. – 343 S.

H – Kant, H. Die Aula / H. Kant. – 1. Aufl. Berlin : Aufbau-Verl. GmbH, 1995. – 463 S.